

Даже обычно мягкий Хань Цзин не сумел сдержать вспыхнувшего гнева. С мрачным лицом он решительно вошел в сектор Эрра. Рабочее время давно закончилось, и пустынные коридоры тонули в тусклом изумрудном сиянии, но со стороны кабинета Мориса всё еще лился яркий свет.

Хань Цзин хорошо знал привычки Мориса: тот редко возвращался в сектор Роедлас раньше десяти вечера. Однако, подойдя ближе, он растерянно замер, а гнев улетучился — в кабинете генерала царил полумрак. Лишь Кэтрин всё еще сидела за столом, задерживаясь на работе.

— Хань Цзин? — Кэтрин удивленно подняла голову. Заметив его помрачневшее лицо, она на секунду растерялась, но тут же профессионально улыбнулась: — Генерала Мориса сейчас нет...

Глядя на темные окна пустого кабинета, Хань Цзин застыл. Внутри всё перевернулось, а прежняя злость уступила место глухой тревоге. Справившись с эмоциями, он вежливо улыбнулся:

— Спасибо. Прости, что отвлек, Кэтрин.

Он слегка поклонился и уже развернулся, чтобы уйти, когда его окликнул мягкий женский голос:

— Постой, Хань Цзин! — Кэтрин быстро достала из ящика стола запечатанный конверт и, негромко постукивая каблуками, поспешила за ним. — Генерал Морис велел передать это тебе, если ты придешь его искать.

«Морис?!»

У Хань Цзина на миг перехватило дыхание. Дрожащими пальцами он принял тонкий конверт, сквозь бумагу которого прощупывалось что-то твердое, похожее на пластиковую карту. Сердце бешено колотилось в груди. Он молча сжал конверт.

«Что же там? На письмо не похоже...»

Заметив, как изменился в лице Хань Цзин, Кэтрин отбросила рабочий тон и тихо, по-дружески спросила:

— Как ты... обжился в секторе Лиранс? Привыкаешь понемногу?

— Всё в порядке, спасибо, — вежливо ответил Хань Цзин, слегка растерявшись от её участия.

— Ты... — Кэтрин замялась, словно не решаясь сказать что-то важное, но в конце концов мягко улыбнулась: — Если будет время, навестить генерала Мориса. Я же вижу, что он относится к

тебе по-особенному. Настолько, что воспользовался личной властью, чтобы продвинуть тебя по службе в обход всех правил. Я работаю с ним много лет, но он впервые пошел наперекор генералу Шерману и задействовал личные привилегии...

Хань Цзин не знал, что ответить. В груди болезненно сжалось.

— К тому же, он, кажется, болен... — Кэтрин нахмурилась, в её глазах промелькнула искренняя тревога. — Последние дни он буквально превозмогал себя, это было заметно. Вы ведь так долго жили вместе, ты наверняка знаешь об этом лучше меня?

Хань Цзин почувствовал, как к горлу подступил ком. Голос его предательски дрогнул:

— Да, я знаю... Он... То есть, как себя чувствует генерал?

— Боюсь, плохо, — покачала головой Кэтрин. — Генерал Морис никогда не запускает дела, но со вчерашнего дня его не было в кабинете. Вчера еще приходили его распоряжения по почте, а сегодня вообще никакой связи.

Заметив, как побледнел Хань Цзин и как тревожно сошлись на его переносице брови, она поспешила добавить:

— Впрочем, уверена, ничего серьезного. У генерала сильный организм, он быстро поправится.

Хань Цзин так сильно сжал конверт, что побелели костяшки пальцев. С трудом сдерживая бурю, бушующую в душе, он выдавил слабую улыбку:

— Спасибо тебе, Кэтрин.

Он слишком хорошо понимал истинную причину недомогания Мориса. Внутри смешалось всё: горькая обида, острая жалость и даже мимолетное, почти мстительное злорадство.

«Если ты не можешь в одиночку выносить проклятие Атлантиды, зачем прогнал меня? Почему предпочитаешь задыхаться в муках, но упорно отказываешься принять меня?»

Хань Цзин почти бегом покинул сектор Эрра. Все мысли об инциденте с Клиффом мгновенно улетучились, голова была забита только Морисом. Ноги сами несли его вперед — стремительно миновав глубоководную галерею, он оказался перед телепортационным лифтом.

— Отказано в доступе. Хань Цзин. Сектор Роедлас, — бесстрастно оповестил механический голос, и на световом экране вспыхнула красная надпись.

«И правда, заблокировано...»

Сердце болезненно сжалось. Без нужного уровня доступа он даже не мог увидеть Мориса. Хань Цзин в отчаянии стиснул кулаки, и вдруг его взгляд упал на зажатый в руке конверт. В панике он совсем забыл о нем! Он поспешно разорвал плотную бумагу и вытащил серебристую металлическую карту с личной подписью Мориса на обороте.

Это была карта доступа!

Сердце заколотилось с новой силой. Хань Цзин дрожащей рукой поднес карту к сканеру. Вспыхнул зеленый сигнал, и перед ним бесшумно открылись двери знакомого лифта, работающего на кристаллах Туаой. Этот подъемник вел из сектора Лиранс напрямую в сияющий огнями сектор Роедлас.

«Зачем он оставил её мне?..»

Поднимаясь в кабине лифта, он даже не смотрел на расстилающийся внизу великолепный ночной пейзаж. Он неотрывно глядел на зажатую в ладони карту, а в груди все сильнее разгоралось волнение.

Не желая больше ни о чем думать, Хань Цзин бросился вперед, едва двери лифта разъехались. Он почти бежал к знакомому корпусу D.

«К черту сомнения. Сначала нужно увидеть его, а со всем остальным разберемся позже»

«В конце концов... я всё еще безумно, до чертиков люблю его»

Эта мысль отозвалась в душе смесью жгучей боли и нежности. Приложив карту к замку апартаментов, Хань Цзин толкнул дверь.

Внутри вопреки ожиданиям горел яркий свет. В гостиной царил непривычный беспорядок: на столе сиротливо стояли несколько пустых бокалов, а рядом валялись перевернутые склянки и блистеры от лекарств.

Хань Цзин почувствовал, как к горлу подкатывает волна острой жалости. Он поднял один из флаконов, затем другой — все они были пусты. Содиум, КМЗП, Диклофенак... Сильнейшие нейрорептики и седативные препараты.

«Если так глушить таблетки, можно запросто отправиться на тот свет или стать инвалидом!»

Внутренности скрутило от ужаса. В этот момент Хань Цзин разом забыл про уязвленное самолюбие, обиды и гордость — единственным его желанием было, чтобы Морис остался жив и

прекратил это безумное саморазрушение.

«Он принял смертельную дозу Диклофенака!»

Хань Цзин пробежал глазами аннотацию на упаковке, и его руки мгновенно обледенели от страха.

Он с глухим стуком швырнул коробку обратно на стол и, бледный от тревоги, ворвался в ярко освещенную спальню.

Панорамные окна на террасу были распахнуты настежь, и в комнату врывался ледяной ночной ветер. Постель была полностью разорена: простыни смяты, а одеяло валялось на полу, словно кто-то долго метался в агонии.

Из ванной донесся глухой, похожий на всхлип стон. В нем уже не было попыток сдерживать себя — лишь выматывающая, невыносимая мука и полное бессилие.

— Морис?! — позвал Хань Цзин дрожащим голосом.

Он толкнул полуприоткрытую дверь. Пол в предбаннике был залит водой, которая непрерывным потоком лилась из глубины ванной комнаты.

Стоило ему переступить порог ванной, как сердце пропустило удар, оставив в груди лишь холодную щемящую пустоту.

— Морис... — хрипло позвал Хань Цзин.

Дрожащими руками он обнял мужчину, бьющегося в когтях невыносимого вожделения. Вода в ванне была ледяной, но тело Мориса полыхало, словно в лихорадке.

«Как же так?!»

Хань Цзина захлестнуло острое чувство вины. Он впервые своими глазами видел, как действует так называемое «проклятие Атлантиды», и от этого зрелища у него едва не покатились слезы.

— Ах... — сорвалось с губ Мориса.

Его воспаленная, ставшая сверхчувствительной кожа не могла вынести даже этих нежных прикосновений. Разум генерала давно утонул в бушующем океане похоти. Он хрипло, прерывисто дышал, борясь с приступами боли, и медленно приоткрыл затуманенные страстью глаза. В его сапфировых зрачках вспыхивали золотистые искры — отражение взлохмаченных

прядей волос.

— Пойдем, я перенесу тебя на кровать... — Хань Цзин попытался поднять промокшее насквозь тело, но не успел приложить усилие: Морис с неожиданной силой рванулся вперед и опрокинул его на пол.

Хань Цзин торопливо оперся на руки, пытаясь сесть, и обомлел. Чужое естество, раскаленное и твердое как камень, требовательно прижалось к нему. Сердце Хань Цзина пропустило удар. Сдавленный, похожий на всхлип вздох Мориса окончательно разрушил остатки самообладания — волна ответного желания мгновенно затопила всё существо молодого человека.

Морис прямо сел на Хань Цзина, беспокойный и раздраженный. Его обычно холодное, безупречное лицо уже окрасилось румянцем, похожим на цвет румян, а в глазах, полных страсти, словно разливался влажный туман. Такой Морис невольно заставлял Хань Цзина терять голову. Они с Морисом проводили ночи в страстных объятиях, но из-за сдержанности Мориса это всегда происходило в полной темноте. Хань Цзин еще никогда не видел его таким — в ярком свете, охваченного желанием и совершенно беззащитного.

— Морис? — нежно позвал Хань Цзин, вглядываясь в лицо человека, по которому так отчаянно тосковал.

Боясь, что тот простудится в холодном помещении, он попытался обнять его, чтобы всё-таки унести в теплую спальню.

Однако Морис раздраженно оттолкнул его руки. Обладая силой тренированного военного, он без труда прижал Хань Цзина, привыкшего к кабинетной работе, к полу. Раздался резкий треск разрываемой ткани — Морис без малейших колебаний разодрал его домашние брюки, развел бедра и, бесстыдно приподнявшись, насадился на его уже вставшую плоть.

— А-а-ах!.. — сорвался на крик Морис.

Едва раскаленные внутренние стенки сомкнулись вокруг чужого естества, перенапряженное от долгого воздержания тело свело резкой судорогой. Силы мгновенно покинули его, и генерал рухнул грудью на плечо Хань Цзина, судорожно и прерывисто дыша.

Благодаря тому, что Хань Цзин полулежал, он успел перехватить содрогающееся тело мужчины и крепко прижал его к себе, пытаясь успокоить.

— Не спеши...

— Спокойно, — шептал Хань Цзин. Заботясь о его состоянии, он начал двигаться медленно и осторожно. Но Морис под ним изнывал от нетерпения: он отчаянно, дико вращал бедрами, утягивая плоть Хань Цзина в невыносимо тесную, горячую глубину, где не оставалось ни

единого зазора. Хань Цзин шумно выдохнул, чувствуя, что теряет контроль. Мощные волны наслаждения захлестнули его с головой, заставляя полностью подчиниться безумному ритму, который задавал партнер.

— М-м-м... а-ах! Да, еще!.. — Морис уже не пытался сдерживать стоны. Он запрокинул голову, и его длинные светлые волосы разметались в такт исступленным толчкам. Пальцы генерала намертво впились в плечи Хань Цзина, словно тот был спасительной соломинкой для тонущего. Морис сам задавал темп, двигаясь вверх и вниз; чувствительный центр внутри него раз за разом подвергался яростному давлению. Накатывающие оргазмы грозили разорвать его сознание на части. Он дрожал от страха перед этой сокрушительной силой, но упругие ягодицы продолжали двигаться сами собой, требуя всё более глубоких, сокрушительных толчков. Жгучие разряды удовольствия прошивали позвоночник один за другим. В затуманенных, влажных глазах Мориса не осталось и следа от привычного ледяного величия — только бесконечная истома и катящиеся по вискам горячие слезы.

Они предавались безумной страсти прямо на мокром полу. Одежда обоих давно пропиталась ледяной водой из ванны и облепила тела, но от соприкосновения их разгоряченной кожи в прохладном воздухе поднимался едва заметный пар.

Хань Цзин уже сбился со счета, сколько раз излился, его силы были на исходе, однако Морис продолжал требовать еще и еще, ненасытно выжимая его до последней капли.

Когда онемевшие руки окончательно отказались держать вес, Хань Цзин со стоном откинулся спиной на холодную плитку стены. Это вызвало у Мориса недовольный, полный яростного вожделения взгляд потемневших изумрудных глаз.

Тяжело дыша, Хань Цзин горько усмехнулся. Он всерьез засомневался, не суждено ли ему закончить свои дни прямо здесь, умерев от истощения.

Жар внутри был настолько силен, что казался настоящим пламенем, выжигающим внутренности. Морис мучительно нахмурился, его зрение затуманилось, но сквозь пелену он сумел разглядеть силуэт... Неужели это он?

— Хань Цзин?.. — хрипло, едва слышно позвал генерал.

Вглядываясь в лицо юноши и чувствуя тепло таких знакомых объятий, Морис вдруг смягчился — его черты на миг приняли выражение невероятной нежности, которой Хань Цзин никогда прежде у него не видел.

— А-ах! — новая вспышка дикого удовольствия настигла его, заставив вскрикнуть и до крови прикусить нижнюю губу.

Всё его тело натянулось как струна. Извиваясь в мучительном экстазе, он беззащитно зарыдал:

— Обними меня... крепче... м-м-м... Хань Цзин!

Этот отчаянный зов подействовал на Хань Цзина как мощнейший стимулятор. Собрав последние крохи сил, он рванулся навстречу, крепко обнимая Мориса и покрывая поцелуями его пылающие щеки.

— Не бойся...

— Я здесь, держись за меня, Морис... — непрерывно шептал он, чувствуя, как мелко дрожит чужое тело. Нежными поцелуями и поглаживаниями он пытался унять эту сводящую с ума лихорадку.

Постепенно взгляд Мориса прояснился, в глубине синих глаз затеплились первые искорки сознания. Всё еще пребывая в легком забытии и борясь с накатывающими волнами удовольствия, он крепко сжал пальцы Хань Цзина. Когда их ладони переплелись, Морис вдруг потянулся вперед и поцеловал его в губы. Сам. Впервые в жизни.

Хань Цзин замер от изумления, а в следующий миг жадно ответил на поцелуй. Они слились в безумном порыве, словно вновь очутились посреди Иллюзии Атлантиды...

Но стоило безумию отступить, как Морис мгновенно затих. Опираясь на локти, он слегка отвернул голову. На его лицо вернулась та самая маска ледяного равнодушия, от которой у Хань Цзина внутри всё опускалось.

«Ну вот и всё... Он пришел в себя»

Он медленно разжал объятия. Жар, бушевавший в груди юноши, в один миг сменился мертвящим холодом.

Почувствовав, как Хань Цзин отстранился, Морис на мгновение замер. Затем, оперевшись о край ванны, он попытался подняться на ноги, но резкая мышечная боль и жуткая слабость лишили его опоры — колени подкосились. Прежде чем он успел упасть, Хань Цзин бережно подхватил его под мышки.

Морис лишь слегка нахмурился и опустил веки. На его лице не отразилось ничего, кроме холодного безразличия, однако сопротивляться он не стал. Позволив Хань Цзину донести себя до спальни, он бессильно опустился на край кровати.

— Вода в ванне была слишком холодной, тебе нужно обсохнуть, — негромко сказал Хань Цзин.

Взяв сухое полотенце, он принялся бережно промакивать мокрые золотистые волосы генерала.

На бесстрастном лице Мориса промелькнуло мимолетное замешательство. Он попытался что-то возразить, но из горла вырвался лишь глухой сип — голос сорвался окончательно.

«Это всё из-за того... что я творил?»

Морис судорожно сжал пальцами простыню. В памяти вспыхивали постыдные обрывки воспоминаний: собственное извивающееся тело, бесстыдные крики... Всё это совершенно не вязалось с его гордостью и принципами.

Морис недовольно нахмурился, когда теплое полотенце скользнуло по его плечам, а Хань Цзин попытался стянуть с него мокрую, прилипшую к телу одежду. Он хотел оттолкнуть юношу, но тело после безумной разрядки было настолько опустошено, что он не смог даже поднять руку.

Заметив слабое сопротивление, Хань Цзин не стал останавливаться и быстро избавил его от мокрых вещей.

— Потерпи немного, сейчас закончу... — произнес Хань Цзин. Его тон оставался мягким, но в нем больше не было прежней искренней теплоты.

Морис разжал пальцы, выпуская измятую простыню. В груди у него вдруг разлилась тяжелая, глухая тоска.

Хань Цзин быстро закончил обтирать мужчину, помог ему улечься поудобнее и укрыл теплым одеялом, которое поднял с пола.

Морис по-прежнему лежал неподвижно, отгородившись стеной ледяного молчания. Хань Цзин почувствовал, как в сердце вонзилась острая игла обиды. Он тихо, горько усмехнулся:

— Неужели я действительно приношу тебе столько позора, Морис?

<http://bllate.org/book/19677/1987034>